

Проблема рабочей силы к третьему году пятилетки

Состояние безработицы

Истекшие 2 года пятилетки выявили полное банкротство правооппортунистической идеологии. Намеченные темпы развития индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства оказались не только реальными, против чего в свое время спорили правооппортунистические элементы в нашей партии, но они даже превзойдены. Рост производственной активности пролетариата, выразившийся в мощной волне социалистического соревнования и ударничества, привел к перевыполнению плана материального производства, а вместе с тем и к увеличению коэффициента занятости работоспособного населения, а следовательно и к более быстрому рассасыванию безработицы.

Показатели выполнения пятилетки (в % к предыдущему году)

	1928/29 г.		1929/30 г.	
	По пятилетке	Выполнено	По пятилетке	Выполнено
1. Численность лиц наемного труда по не- сельскохозяйственному сектору	104,8	108,1	107,8	116,0
2. Число безработных	113,7	110,0	96,0	67,0

Перевыполнение плановых заданий по числу занятых лиц естественно привело к перевыполнению показателей по безработице. Таким образом опасение о невозможности ликвидации безработицы к концу пятилетки, высказанное пессимистически настроенными товарищами, не оправдалось. Теперь это для всех очевидно. Безработица полностью изжита уже на втором году пятилетки, ибо 240 тыс. человек, числящихся на биржах труда по данным на 1 ноября 1930 г., ни в коем случае нельзя рассматривать как безработных. Это — переходящие контингенты; из этих лиц большинство обучается на курсах НКТ, и по окончании срока обучения они будут использованы на производстве. Особенно важно отметить отрадное явление рассасывания безработицы среди подростков, еще совсем недавно составлявших одну из наиболее застойных групп безработных. Широкое развитие

сети ФЗУ и прочих учебных заведений делает возможным полную ликвидацию безработицы среди подростков городов, включая и тех подростков, которые попадают в город в порядке механического движения населения (переселение из деревни в город). Число подростков, значащихся на 1 ноября 1929 г. на биржах труда в количестве 285 тыс., к 1 ноября 1930 г. сократилось до 80 тыс. Намеченный темп развития ФЗУ на 1931 г. (700 тыс. приема, в том числе около 500 тыс. в городах) делает возможным не только использование наличного резерва подростков, но и вызывает необходимость переселения в город 100—150 тыс. подростков из состава пролетарских элементов сельского населения. В то время как капиталистическое хозяйство изнемогает в тисках кризиса и безработицы, развитие хозяйства СССР уже на данной стадии позволяет снять с повестки дня вопрос о безработице.

Новый этап и правооппортунистические шатания

Широкое развертывание социалистического строительства и сопутствующий ему высокий спрос на рабочую силу в условиях полной ликвидации безработицы делает необходимым серьезное и внимательное отношение к проблеме рабочей силы. Уже истекший год в ряде отраслей и районов прошел под знаком дефицита рабочей силы. Ощущался недостаток не только в квалифицированных рабочих, но и в рабочих необученных. «Недостаток рабочей силы в промышленности и других секторах народного хозяйства уже в этом году превратился в «узкое место», тормозящее осуществление быстрых темпов социалистического строительства. Разрешение этого вопроса является важнейшей политической задачей, ставшей во всей остроте»¹.

Правильный подход к решению настоящей задачи, фиксация внимания на важнейших моментах являются весьма существенными на данном этапе. Коллективизация сельского хозяйства, усиление планового начала в народном хозяйстве, установление новых форм связи с деревней, рост межрайонных связей, активизация семей трудящихся, в частности женщин, массами вовлекаемых в производство, поход рабочего класса на борьбу с потерями в области живого труда — все это совершенно по-иному, по-новому ставит проблему рабочей силы. Рыночные отношения между рабочей силой и основным потребителем ее — индустрией — отмирают. На смену выступает социалистический план, организованное распределение рабочей силы по отраслям и районам. Таким образом противоречия, наблюдавшиеся до сих пор, когда организованной по плану индустрии в области труда противостоял рынок, стихия, постепенно должны сглаживаться. Резервная армия, необходимый атрибут капиталистического общества, теряет свой смысл в условиях планового хозяйства; высокие темпы развития хозяйства СССР обеспечиваются не величиной резервной армии, а всем наличием трудовых ресурсов страны, которые в условиях социа-

¹ «Правда» от 22/XII 1930 г., постановление ЦК от 20/XII 1930 г.

листического строительства получают новые стимулы и неограниченные возможности для развития своей дееспособности.

Все это новое, характерное для данного периода нэпа, остается незамеченным для правооппортунистических элементов. Находясь в плену старых схем, механически перенося на советскую систему закономерности капиталистического общества, правые оппортунисты не в состоянии вскрывать сущность наблюдаемых явлений и мечутся в разные стороны, ища выхода. Пребывая еще совсем недавно в состоянии отчаяния по поводу большого числа безработных в стране, они сейчас под влиянием трудностей текущего года впадают в обратную крайность, панически утверждая, что в виду исчерпания якобы трудовых ресурсов страны движение вперед невозможно.

Их аргументация в основном сводится к следующему: политика партии в деревне, в частности коллективизация, сопровождается классовыми сдвигами в сторону уменьшения количества пролетарских и полупролетарских хозяйств, представлявших основной источник снабжения народного хозяйства рабочей силой; коллективизированный крестьянин, обеспеченный известным прожиточным минимумом, лишается стимула к отходу, тем более, что объемный рост производства в колхозах пред'являет широкий спрос на рабочую силу, а следовательно уменьшает свободные резервы для отпуска на сторону. Отсюда делается вывод, что роль деревни как резервуара рабочей силы сводится в связи с коллективизацией на-нет, а следовательно вопрос о недостатке рабочей силы, в частности сезонной, черпаемой главным образом из деревни, встает во всей остроте.

Показатели по отходу и коллективизации

Р а й о н ы	На 100 чел. населения ушло в 1928/29 г.	Число всех отходников в % к итогу	Число отходников строителей в % к итогу	% коллективизирован. кр. хоз-в ко всему числу кр. хоз-в в 1930 г.
РСФСР	43,1	87,6	89,5	19,9
В том числе:				
Северный Кавказ	1,6	1,5	1,1	55,2
Крым	2,5	0,1	н. свед.	50,0
Нижняя Волга	1,5	1,5	1,0	34,8
Урал	5,4	7,4	3,5	25,5
Средняя Волга	3,0	4,4	5,7	20,4
Сибирь	1,9	3,4	1,7	19,7
Башк. республ.	3,2	1,8	н. свед.	19,5
ЦЧО	3,3	7,6	12,1	15,1
Нижегородский край	5,9	9,9	11,3	9,7
Татарская АССР	3,4	1,8	1,0	9,4
Северный край	15,2	8,8	2,8	8,1
Ивановская обл.	8,0	6,9	12,1	6,7
Московская "	5,8	9,9	14,6	6,6
Западная "	6,4	9,5	14,8	6,3
Ленинградск. "	8,2	7,3	5,4	5,6
УССР	2,0	8,4	7,6	38,0
БССР	4,0	4,0	2,9	11,8
СССР	3,8	100,0	100,0	24,1

Верна ли такая концепция? Прежде всего, верно ли, что коллективизация вызвала сокращение отхода рабочей силы из деревни?

Анализ материалов об отходе показал, что коллективизацией охвачены по преимуществу те районы, где отхожие промыслы были слабо развиты. Нижеприведенная табличка указывает, что основная масса отходов приходится на так называемые потребляющие районы РСФСР, где коллективизировано меньше 10% хозяйств. Высокие интенсивные показатели отхода мы имеем в районах с низкими показателями коллективизации, в то время как в районах сплошной коллективизации отходники в общей массе населения составляют едва два-три процента (см. табл. на стр. 200).

Явление обратной зависимости между коэффициентом коллективизации и коэффициентом отхода наблюдается и внутри отдельных районов; например по Средней Волге мы имеем:

О к р у г а	% коллективизированных хоз-в в 1930 г.	Отход на разработку в 1928/29 г. на 1.000 жителей
Мордовский	8,9	47,4
Кузнецкий	11,9	28,6
Пензенский	11,0	20,8
Сызранский	18,1	36,3
Ульяновский	18,7	30,2
Бугурусланский	31,1	26,4
Самарский	35,6	17,4
Оренбургский	40,2	12,7

В то время как в Мордовском округе при 8,8% коллективизации отход достигает 47,4 чел. на тысячу жителей, по Оренбургскому округу при коллективизации в 40% отход равен 12,7 чел. Аналогичные соотношения между показателями отхода и коллективизации наблюдаются и в других областях.

Нами сделана попытка сравнить данные об отходе из колхозов по материалам обследования весной 1930 г. с данными об отходе по материалам НКТ за 1928/29 г. Сопоставление, сделанное по одноименным округам, дало в результате следующие ряды:

Число отходников на 100 человек населения

	Ленингр. обл.	Иванов. обл.	Запад. обл.	Московск. обл.	Нижегор. край	ЦЧО	Ср. Волга	Н. Волга	УССР	БССР
В 1928/29 г.	9,5	7,3	6,1	5,1	5,6	3,0	2,4	1,6	1,9	3,9
Весной 1930 г.	6,1	8,7	5,5	10,8	6,0	4,7	2,6	1,7	3,2	2,5

Из приведенной таблички ни в коем случае не явствует, что коллективизация способствовала сокращению отхода. Правда, по Ленин-

градской и Западной областям (кстати, с низким показателем коллективизации) мы получаем некоторое отставание по данным весны 1930 г., но зато в ряде районов мы имеем для 1930 г. более высокие показатели. Необходимо оговорить условность этих сравнений: данные 1930 г. относятся только к весне, в то время как за 1928/29 г. приведены годовые данные. Однако мы считаем их в достаточной мере показательными, исходя из того, что выпадение из учета зимы и лета (двух сезонов с противоречивыми тенденциями: летом — высокие показатели отхода, зимою — низкие) должно мало отразиться на конечных итогах.

Вышеизложенное говорит о том, что нет оснований связывать затруднения истекшего года с процессом коллективизации. В такой же мере необоснованным является мнение о том, что социальные сдвиги в деревне должны способствовать ослаблению притока из деревни в город. Новая производственная культура и новые формы связи с деревней по-новому ставят вопрос о взаимоотношениях между городом и деревней. Эта форма связи «преобразовывает психологию крестьянина и поворачивает его лицом к городу... крестьянин старого типа с его зверским недоверием к городу, как к грабителю, отходит на задний план. Его сменяет новый крестьянин, крестьянин-колхозник, смотрящий на город с надеждой»¹.

Крестьянин, который раньше вытаскивался из деревни голодом и нуждой, теперь, в условиях развернутого социалистического наступления, пойдет в индустрию, чтобы вместе с рабочим классом создавать материальные предпосылки для социалистического переустройства деревни. Нужно только побольше организационной гибкости и меньше головотяпства со стороны хозяйственных органов. Но об этом ниже. А пока перейдем к вопросу о том, имеется или не имеется избыточный труд в современной деревне.

Состояние трудовых ресурсов в сельском хозяйстве

При анализе вопроса придется сосредоточить внимание на колхозном секторе, определяющем собою лицо новой деревни. В индивидуальном секторе положение более или менее устойчивое. Избытки труда, которые по данным крестьянских бюджетов 1926/27 г. исчисляются в размере 38—45% к запасу, очевидно мало изменились, в виду относительно медленного изменения уровня производительности труда в индивидуальном секторе сельского хозяйства. Последнее подтверждается данными крестьянских бюджетов, показывающих за ряд лет почти стабильность норм затрат. Исследование С. Г. Струмилина² о динамике производительности труда за ряд лет до революции в сопоставлении с послереволюционным периодом также говорит об относительной устойчивости показателей.

¹ Сталин. К вопросам аграрной политики в СССР.

² С. Г. Струмилин. Оплата и производительность труда в сельском хозяйстве, журн. «На аграрном фронте» № 3, 1926 г.

Каково же положение в колхозах? Бесспорно утверждение, что показатели объема производства в колхозах превышают соответствующие показатели индивидуального сектора. Достаточно указать на то, что в весеннюю посевную кампанию текущего года посевная площадь колхозников увеличилась на 45% по сравнению с площадью посева, имевшейся у них до вступления в колхоз. По данным 1929 г. на единицу колхозного населения приходится больше посевной площади, чем на единицу крестьянского населения — по Ср.-волжскому краю на 73%, по ЦЧО на 25%, по Северному Кавказу на 54 и по УССР на 37%. Но расширение площади посева отнюдь не влечет за собою повышение трудовых затрат в той же пропорции. Маркс неоднократно указывал на экономию живого труда в результате простой кооперации, не говоря уже о техническом перевооружении труда, сопровождающем кооперацию.

«Подобно тому, как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции.

Здесь дело идет не только о повышении индивидуальной производительной силы путем кооперации, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила... Самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии, увеличивающей индивидуальную дееспособность лиц»¹.

Маркс в частности указывал на широкие возможности повышения производительности труда путем кооперации в сельском хозяйстве, «где нет более важного фактора, как фактора времени», и где «краткость сроков компенсируется (при условии кооперации) величиной массы труда, брошенной в решительный момент на арену труда»².

Производственная практика наших колхозов с достаточной наглядностью подтверждает марксовы положения об эффективности кооперированного труда. Для иллюстрации приведем сравнительные данные о производительности труда в колхозах и индивидуальных хозяйствах (см. табл. на стр. 204).

Приведенные данные, указывающие на значительное повышение производительности труда даже в тех случаях, когда колхоз не связан с МТС, т. е. когда он работает в основном на базе старой техники, говорят о преимуществах самого принципа коллективизации. «Мелкое производство означает раздробление технических средств хозяйства и расхищение труда в силу этого раздробления» (Ленин, т. IX). Объединение этих средств в условиях коллективизации делает возможным

¹ Маркс. «Капитал», т. 1, стр. 313-314.

² Там же, стр. 318.

Производительность труда в колхозах по сравнению с крестьянским хозяйством (в процентах) (данные 1929 г.)¹

Р а й о н ы	Колхозы, связанные с МТС		Колхозы, не связанные с МТС	
	Ср.	Волга	Ср.	Волга
Ср. Волга	229,0	154,0		
ЦЧО	129,5	121,0		
Н. Волга	204,0	159,0		
Сев. Кавказ	153,8	146,2		
УССР	157,9	126,3		

лучшее их использование, а следовательно и более высокую эффективность труда.

Данные обследования колхозов 1928 г. в сопоставлении с индивидуальными хозяйствами показывают, что, располагая относительно меньшим количеством живого и мертвого инвентаря, колхозы в процессе производства технически лучше вооружены, чем индивидуальное хозяйство. Ниже мы помещаем две таблицы, иллюстрирующие это явление². Первая таблица указывает на значительное преобладание активных средств производства в индивидуальном хозяйстве, а вторая таблица указывает на более высокую техническую вооруженность коллективного хозяйства. Такой разрыв между двумя, казалось бы, однородными показателями, является результатом низкого коэффициента использования скота и инвентаря в индивидуальном хозяйстве, где размер хозяйства и пропорция между отдельными его частями являются основным лимитирующим фактором (см. таблицы ниже и на стр. 205).

На 1 га с.-х. площади активных средств производства (живого и мертвого инвентаря; в рублях)

Производство	Районы	Индивидуальные хозяйства				Колхозы		
		Пролет. и полупролетарские	Мелкие товаропроизводители	Мелкие капиталистические	Артели	Коммуны	Совхозы	
Яровой пшеницы	Ср. Волга	9,4	36,0	48,9	14,2	15,6	21,7	
" " "	Сибирь	10,2	28,7	25,6	—	13,7	17,0	
Озимой ржи	ЦЧО	21,6	56,3	77,7	34,0	36,3	42,5	
" пшеницы	С. Кавказ	12,1	40,2	56,8	15,8	18,3	25,5	

Живая тяга крестьянского хозяйства по данным крестьянских бюджетов 1926/27 г. остается неиспользованной подчас на 70—75%, причем это явление имеет место в одинаковой степени как среди бедняцких, так и среди зажиточных слоев крестьянства.

¹ По материалам обследования Госплана СССР весной 1930 г.

² По данным, опубликованным в сборнике „Соц. переустройство советской деревни“, стр. 51, 53, изд. Планхозгиза за 1930 г.

На 1 день труда приходится материальных затрат (в рублях)

Производство	Районы	Индивидуальные хозяйства				Колхозы		
		Пролет. и полупролетарские	Мелкие товаропроизводители	Мелкие капиталистические	Артели	Коммуны	Совхозы	
Яровая пшеница	Ср. Волга	0,5	0,6	0,7	3,6	4,2	11,2	
" " "	Сибирь	0,5	0,7	0,9	—	4,2	4,2	
Озимая рожь	ЦЧО	0,5	0,6	0,7	1,8	2,6	3,3	
" пшеница	С. Кавказ	0,8	0,8	1,1	3,5	3,7	6,6	

Такая же картина наблюдается и в отношении мертвого инвентаря, где пестрота ассортимента делает невозможным в границах мелкого индивидуального хозяйства 100%-ное его использование.

Механизация труда в колхозах, находящаяся пока в зачаточном состоянии, даст еще большую производительность труда, о чем свидетельствует вышеприведенная табличка о производительности труда в колхозах, связанных с МТС, и сравнительные показатели о нормах затрат труда в условиях применения механической тяги и лошадиной силы.

Количество га, обрабатываемых в день

	Вспашка	Боронование	Посев
1. При работе трактора (данные обл. НИКСХЭ по трем районам: Западный, ЦЧО, Сев. Кавказ)	2,64	9,98	7,61
2. При работе лошадей (данные крест. бюджетов по тем же районам)	0,44	1,1	1,5

Приведенные данные показывают, какими громадными резервами мы располагаем в части экономии живого труда, идя по пути коллективизации и механизации процессов производства.

Таким образом все опасения, что в связи с коллективизацией мы будем испытывать недостаток в рабочей силе, не имеют под собой почвы. Объемный рост производства компенсируется повышением производительности труда, во всяком случае в значительной части. В подтверждение этого приведем некоторые данные о балансах труда в колхозах.

Баланс труда в колхозах по данным обследования 1928 г. выявил значительный процент неиспользованного труда, колеблющегося по отдельным колхозам в пределах между 33 и 47% всего запаса труда, причем в сумме затрат труда учтены затраты как в обобществленной части хозяйства колхозника, так и в необобществленной.

Данные сплошного обследования колхозов весной 1930 г., охватившего только обобществленную часть хозяйства колхозников, выявили следующий коэффициент использования трудовых ресурсов.

Использование запасов рабочей силы (в процентах)

Р а й о н ы	25% запаса и менее	46—50 %	51—75 %	76—100 %	Нехватает своей рабочей силы	Итого
Н. Волга	2,9	18,0	19,0	59,7	0,4	100
Сев. Кавказ	4,5	17,9	21,4	55,7	0,5	100
ЦЧО	8,4	22,7	18,0	50,0	0,9	100
УССР	9,3	22,3	22,4	45,1	0,9	100
Ср. Волга	4,2	20,7	20,0	54,4	0,7	100

Только половина колхозов использует 75—100% запаса рабочей силы; 20—30% колхозов использует меньше половины запаса труда.

Этот баланс недостаточно показателен, так как тут не учтены затраты и индивидуальной части хозяйства колхозников, однако если принять во внимание, что исчисленные затраты касаются 80% посева и рабочего скота, можно — без риска ошибиться — и здесь говорить о наличии неиспользованного труда.

Баланс труда городского населения

Анализ вопроса о состоянии трудовых ресурсов в деревне показал необоснованность мнения об отсутствии свободных резервов в сельском хозяйстве. Несколько иная картина наблюдается в городах, хотя и здесь налицо неиспользованные ресурсы.

Баланс труда городского населения в рабочем возрасте для 1930 г. таков: численность лиц наемного труда увеличилась на 1.347 тыс. (около 80% всего прироста), если же к лицам наемного труда прибавить прочее занятое население (самостоятельные товаропроизводители, предпринимательская группа, учащиеся) и иждивенцев государственных учреждений, мы получим общий прирост городского населения на 1.812 тыс. человек, не считая домашних хозяек и прочих несамодеятельных, которые, увеличиваясь в меру естественного роста, должны дать прирост на 88 тыс. Итого дополнительная потребность населения в работоспособном возрасте составляла 1.990 тыс.

Источником покрытия этой потребности являлся естественный прирост работоспособного населения — 261,4 тыс., биржи труда — 600,3 тыс., и вытесняемые из сферы производства и обращения мелкокапиталистические элементы — 17 тыс. Таким образом дефицит в рабочей силе для 1930 г. выражался числом 1.021,3 тыс., который в основном должен покрываться ресурсами из деревни. Мы говорим в основном, так как кроме деревни мы располагаем еще одним мощным резервуаром, до сих пор неиспользованным, — это резервы семей трудящихся, занятые в большинстве своем непроизводительным трудом в домашнем хозяйстве. Численность этой группы составляла в 1929 г. 5.423 тыс., в том числе 245 тыс. мужчин и 5.178 тыс. женщин.

Мужская часть этой группы в основном представляла собой молодежь, которая в 1930 г. в связи с широким развертыванием ФЗУ и прочих учебных заведений вовлекалась в учебу, уменьшая свою численность с 245 в 1929 г. до 161 тыс. в 1930 г. Женская часть занята главным образом домашним хозяйством. Если бы число домашних хозяек возросло в меру естественного прироста, оно достигло бы в 1930 г. 5.266 тыс. человек, не считая домашних хозяек, прибывающих из деревни в порядке механического движения населения, исчисленных нами для 1930 г. в размере 184 тыс. Вместе с последними число домашних хозяек должно бы составить 5.450 тыс. человек, т. е. увеличение против прошлого года на 272 тыс.

Наши подсчеты числа женщин, занятых производительным трудом, показали, что процесс перекачки рабочей силы из сферы домашнего хозяйства имел место уже в 1930 г.¹, в результате чего количество домашних хозяек возросло в 1930 г. только на 74 тыс., составляя массу в 5.252 тыс. человек. Таким образом мы вступаем в 1931 г. с неиспользованным резервом женского труда в размере 5 с лишним миллионов.

Нижеприведенная табличка указывает на то, что в основном эта масса состоит из пролетарских элементов, по возрастному составу вполне соответствующих тем требованиям, которые предъявляет народное хозяйство к рабочей силе.

Социальный и возрастной состав несамодеятельного женского населения в рабочем возрасте за 1930 г.
(исчисленные данные)²

Возр. группы	Всего (в тыс.)	В том числе					В % к итогу		
		Рабочие	Служащие	Итого лиц наем. труда	Простые товаропроизводители	Прочие	Лица наем. труда	Простые товаропроизводители	Прочие
16—59	5.235	1.822	1.629	3.451	1.265	518	65,9	24,2	9,9
16—17	283	103	65	168	90	24	60,0	31,6	8,4
18—22	829	298	243	541	199	87	65,4	24,1	10,5
23—24	357	132	117	249	71	39	69,5	19,7	10,8
25—34	1.681	595	547	1.142	383	157	67,9	22,8	9,3
35—44	1.056	379	320	699	264	92	66,3	25,0	8,7
45—59	1.028	315	336	651	258	119	66,3	25,1	11,6

Нами произведен на основе материалов демографической переписи подсчет количества домашних хозяек, приходящихся на незамужних и бездетных, и установлено, что число их среди всех занятых в домашнем хозяйстве в возрасте 16—59 лет составляет 1.835 тыс. человек, а при исключении возрастной группы в 45 лет и выше — 1.631 тыс. человек. Таким образом число женщин, ныне занятых непроизводи-

¹ К сожалению, мы не располагаем достаточно полными данными текущего учета о числе занятых женщин, а потому наши исчисления, основанные на материалах рабочих бюджетов об изменении числа работающих в рабочей семье, надо считать ориентировочными.

² Распределение произведено по коэффициентам демографической переписи 1926 г.

тельным трудом и могущих быть легко переброшенными в сферу производительного труда, составляет для 1930 г. 1.631 тыс., не считая вдовых и разведенных (103 тыс.), активность которых в виду отсутствия кормильцев значительно выше, чем у замужних. Недооценка этого резерва и сохранение коэффициентов участия женщин в народном хозяйстве на прежнем уровне, измеряемом 27—28% для лиц наемного труда, было бы большой ошибкой в современных условиях, когда удовлетворение растущего спроса на рабочую силу путем мобилизации деревенского населения сплошь да рядом затрудняется недостатком жилищ.

К сожалению, мы встречаемся с большими затруднениями при размещении женской рабочей силы по отраслям народного хозяйства. Установившаяся традиция слабого участия женщин в производстве, низкий уровень квалификации женской рабочей силы, форсирование развития тяжелой индустрии и строительства, где применение женского труда ограничено производственными условиями, слабое развитие бытовых учреждений, призванных раскрепостить женщин от домашнего хозяйства, — все это создает серьезные препятствия для быстрого рассасывания женских трудовых ресурсов. Тем не менее процесс форсированного вовлечения женщин в производство безусловно имеет место уже в 1930 г. и еще больше должен развиваться в 1931 г. в связи с растущим спросом на рабочую силу. По нашим предварительным подсчетам число женщин в сфере наемного труда в городах увеличится в 1931 г. на 600 тыс., или на 28%, при общем росте рабочей силы в городах на 13,5%.

Само собою разумеется, что освобождение женщин от домашнего хозяйства и вовлечение их в сферу производительного труда потребует ряда организационных мероприятий по линии обобществления быта. Необходимо уже в 1931 г. стать на путь массового развертывания ясельного строительства, расширения сети детских садов и площадок и развития системы общественного питания. На ряду с этим необходимо форсировать повышение квалификации работниц. 27—30% женщин среди учащихся профтехнических учебных заведений по данным 1930 г. явно недостаточно, удельный вес женщин должен быть повышен до 50%.

В результате учета всех источников трудовых ресурсов нами установлен в балансе труда городского населения в 1930 г. размер миграционных масс в количестве 923,1 тыс. работоспособного населения, или 1.278 тыс. населения всех возрастов, включая домашних хозяек.

Расчеты по балансу труда городского населения на 1931 г. выявляют картину аналогичную той, которую мы имели в 1930 г. (см. табл. на стр. 209).

Миграционная масса, как и весь баланс, выражена в средних величинах. Число физических лиц, вербуемых в деревне, значительно выше. Одних строителей придется мобилизовать в 1931 г. в количестве свыше миллиона человек.

		Мужчин	Женщин	Всего
Потребность. Прирост занятого населения в рабочем возрасте, вкл. учащихся и госслужащих	Естественный прирост населения	936,5	654,3	1.500,8
	Домашнее хозяйство	156,1	156,0	312,1
Покрытие	Иммиграция из деревни ¹	73,0	85,0	158,0
	Биржа труда ²	502,0	215,0	717,0
	Мелкокапит. группа	202,0	198,0	400,0
		3,4	0,3	3,7

Предыдущий анализ трудовых ресурсов в сельском хозяйстве говорит о том, что предусмотренная в балансе миграция вполне реальна.

Из приведенной таблички видно, что одним из источников покрытия потребности в рабочей силе является домашнее хозяйство и группа несамодостаточных. Необходимо оговорить, что по существу из группы «домашнее хозяйство и прочие несамодостаточные» снимается больше, чем приведено в табличке. Если бы эта группа увеличивалась в меру естественного роста, она возросла бы на 227 тыс., причем исключительно за счет женщин, так как мужчины, состоящие преимущественно из молодых возрастов, не дают прироста (тут сказывается провал в рождаемости за годы войны). Из общего прироста женщин 84 тыс. приходится на естественный прирост основного населения городов и 143 тыс. на миграцию. Таким образом число женщин, переводимых из сферы домашнего хозяйства в производство и обслуживающие отрасли труда, составляет 312 тыс. Всего из указанной группы, включая и мужчин, снимается 384 тыс. человек. Такое сокращение этой группы находится в связи с нашими проектировками в области женского труда, о которых говорилось выше, и с вовлечением несамодостаточной молодежи в учебу и на производство.

Затруднения истекшего года и их причины

Из анализа трудовых ресурсов города и села явствует, что говорить об исчерпании свободных резервов преждевременно. Тем не менее затруднения в снабжении народного хозяйства рабочей силой в текущем году имелись, игнорировать этого факта нельзя.

Мы не располагаем к сожалению исчерпывающими данными о выполнении плана снабжения народного хозяйства рабочей силой за 1930 г., но та практика, свидетелями которой мы являлись, и те отрывочные данные, которые находятся в нашем распоряжении, говорят о целом ряде недочетов в этой области.

По данным НКТ СССР и РСФСР снабжение рабочей силой важнейших строителей во время разгара строительного сезона, в июле 1930 г., характеризуется следующим образом (см. табл. на стр. 210).

¹ Соотношение по полу миграционных масс установлено по данным секции соц. статистики Госплана СССР. В основном — это несамодостаточные женщины, сопровождающие своих кормильцев.

² Биржи труда выступают здесь источником покрытия рабочей силы, поскольку мы оперируем среднегодовыми величинами. Если же исходить из числа зарегистрированных на конец года (около 250.000), то размер его на 1931 г. остается неизменным. Из этих 250.000 200.000 проходит курс обучения на краткосрочных курсах, 50 тысяч приходится на текучесть, считая 25% текучести и одну неделю пребывания на Бирже труда.

Недостаток рабочей силы в 1930 г. ощущался в большей или меньшей степени во всех сезонных отраслях народного хозяйства. Так по каменноугольной промышленности обеспеченность рабочей силой к июлю определялась по Союзу в размере 89,3%. В Донецком бассейне

Районы крупных строек	Требовалось	Имелось	Недоставало
По Ленинграду	15.795	10.897	4.898
„ Москве	6.208	5.375	833
„ Сибири	47.873	31.094	16.779
„ Уралу	153.433	95.206	58.227
Всего по СССР	222.601	151.537	74.964
Всего по 44 крупным стройкам СССР	262.995	180.790	82.205

к сентябрю значительно сократилось (на 12 тыс. человек) число забойщиков, что и послужило причиной прорыва плана добычи угля в Донбассе. С неменьшей остротой чувствовался недостаток рабочей силы для погрузочно-разгрузочных работ как на водном, так и на железнодорожном транспорте. Суда и баржи простаивали в ожидании разгрузки неделями. В Средне-волжском крае требовалось 2.000 человек, а находилось на работах 600 человек, по бассейнам РСФСР в середине августа при наличии 27,5 тыс. грузчиков недоставало около 15 тыс. человек. Суда со строительными материалами (кирпич, цемент) простаивали в ожидании разгрузки, в то время как строительства остро нуждались в этих материалах.

В октябре при среднесуточной норме погрузки 63.377 вагонов грузится лишь 46.947 вагонов, т. е. 75%. На 1 сентября т. г. для ж.-д. транспорта требовалось 153 тыс. грузчиков, а имелось в наличии 68,3 тыс. Для лесосплава на 1 августа требовалось 427,8 тыс. рабочих, а имелось 197 тыс., т. е. 46%; на 1 сентября требовалось 315,9 тыс., имелось же 155,4 тыс. — 43%.

С большим напряжением из-за недостатка рабочей силы проходила и уборочная кампания, в особенности уборка свеклы, табака и плодо-овощей.

Каковы же причины затруднений? В основном их надо искать в слабом овладении рынком труда и нерациональном использовании рабочей силы. Организация труда в промышленности и в сельском хозяйстве поставлена чрезвычайно плохо. Промышленность только сейчас подходит к проблеме борьбы с потерями в области живого труда и, кстати сказать, раскачивается очень медленно. Что же касается организации сезонного труда, то положение еще хуже: ничтожное использование механизмов (0,12—0,50) и плохая организация людей.

На практике вербовки рабочей силы деревни хозорганами и органами НКТ выявился ряд вопиющих безобразий, в результате чего в ряде случаев срывались производственные планы. Шла конкуренция между вербующими организациями, давались невыполнимые обещания, чтобы успешнее проводить вербовочные кампании, что однако приводило к печальным результатам, так как завербованные, не получив обещанного, снимались с работы и уходили обратно в деревню.

Конкуренция между вербовщиками различных организаций принимала подчас совершенно недопустимые формы. Вербовщики направлялись в районы не своего назначения, сталкивались с представителями других организаций, развивая конкуренцию и ажиотаж. Известен например случай, когда в район прибыло 15 человек вербовщиков, которые не нашли даже десятка рабочих. В Рязанском районе было обнаружено 20 нелегальных вербовщиков (данные конъюнктурного обзора НКТ РСФСР).

Снабжение районов сезонной рабочей силой продовольственными и промтоварами производилось из рук вон плохо. Бытовые условия, условия питания были налажены чрезвычайно плохо. Отсутствие жилищ или антисанитарное их состояние отмечается по материалам НКТ как частое явление не только на строительствах, но и в угольной промышленности, на лесосплаве и лесозаготовках.

Жилища подчас так плохо устроены, что сезонные рабочие, несмотря на свою невзыскательность, отказываются в них жить. Отмечены случаи, когда хозорганы не проявляли самых минимальных забот по устройству быта рабочих. О плохой организации питания строителей имеются сообщения из большинства мест: из Украины, с Урала, из Сибири, Нижегородского края и других. На Автострое например не хватает даже и воды для рабочих. По данным на 1 сентября на Урал-желдорстрое общественным питанием охвачено только 40% рабочих. Отмечено много случаев, когда рабочие вынуждены часами стоять в очередях для получения обеда.

На вербовочные кампании чрезвычайно плохо влияла неподготовленность хозорганов к строительному сезону. Так по данным НКТ в апреле и мае работы по многим строительствам не были еще развернуты. Затягивание начала работ во многих случаях обуславливалось отсутствием проектов и чертежей, иногда и земельных участков. В Ленинградской области например к 25 марта было подготовлено всего 50% проектов. В Нижегородском крае к марту прошло через Управление строительного контроля только 32,7% проектов; в Москве из 65 крупных объектов строительства было утверждено к февралю 1930 г. только 14.

В результате слабой подготовленности хозорганов к строительному сезону срок выполнения плана суживался и потребность в людях относительно возрастала, совпадая с периодом оживления с.-х. работ. Так по данным ряда районов РСФСР (Московский, Ивановский, Ленинград, Северный край, Ср. Волга, Урал) по плану должно было быть занято на 1 апреля 775 тыс., фактически же было занято 448 тыс. Зато число рабочих на 1 августа превысило план на 12,2%.

Неподготовленность хозорганов приводила в ряде случаев к дезорганизации вербовочной кампании и плохому использованию рабочей силы. «В ЦЧО завербованные для Днепростроя и Стальстроя (Украина) рабочие к назначенным срокам вызваны не были и стали уезжать на заработки самотеком. В Туле хозорганы отказались от

принятия вызванных рабочих, ссылаясь на отсутствие жилищ. В Москве Стальстрой из-за задержки чертежей и отсутствия достаточного количества стройматериалов отказался дать заявку на вызов законтрактованных рабочих, а вызванные законтрактованные 800 каменщиков были отправлены обратно в деревню. Стальстрой и Москвострой по причине отсутствия материалов отказались от приема в срок законтрактованных для них 6.000 человек и т. д.» (см. «Бюллетень рынка труда стройрабочих НКТ СССР»).

Мероприятия в области организации сезонного труда на будущий год должны быть главным образом направлены в сторону устранения указанных дефектов. Необходимо своевременно начать строительный сезон, максимально удлиняя его, необходимо обеспечить известный минимум жилищно-бытовых условий, необходима далее согласованность действий между вербовщиками, вернее централизация вербовочного аппарата, что уже предусмотрено специальным постановлением ЦИК¹, составление реального плана вербовки для отдельных районов на основе изучения трудовых ресурсов их. Особо стоит вопрос о стимулировании отхода рабочей силы из сельских местностей. Новые взаимоотношения между городом и деревней, основанные на производственной смычке с основной массой крестьянства, в частности с колхозами, являющимися главной опорой советской власти в деревне, создают предпосылки для новых стимулов к участию крестьян в развитии индустриализации страны. Тем не менее момент личной материальной заинтересованности отдельного крестьянина продолжает играть немаловажную роль в процессе перераспределения трудовых ресурсов между сельским хозяйством и индустрией. Необходимо поэтому усилить материальное снабжение сезонной рабочей силы путем создания бронированных фондов для отдельных категорий труда — лесозаготовителей, строителей и т. д. Что касается колхозов, как организованных хозяйственных единиц, то наиболее целесообразным нам представляется дальнейшее развитие практики генеральных договоров об отпуске рабочей силы с предварительной разъяснительной кампанией о выгоде для колхозника рациональной организации труда внутри колхоза и высвобождения рабочей силы для индустрии. Одновременно надо применять систему премирования колхозов, выполнивших план вербовки рабочей силы, в форме дополнительного снабжения промтоварами, в частности продуктами производственного потребления.

Проблема квалифицированных кадров

Наличием свободных трудовых ресурсов в стране не смягчается однако острота положения в области квалифицированных кадров. Тут действительно имеется «узкое место», тяжело отражающееся на развитии социалистического строительства. Наши затруднения распространяются как на административно-технические кадры, так и на кадры неквалифицированных рабочих, воспроизводство которых отстает от

темпа развития индустрии. На один 1931 г. потребуется дополнительно около 1,5 млн. квалифицированных рабочих, не считая сельского хозяйства, а вместе с последним — 2 с лишним миллиона. Но напряженная борьба на этом участке хозяйственного фронта несомненно даст свои результаты. По предварительным данным финансовый план подготовки рабочих кадров на 1931 г. измеряется суммой в 580 млн. руб. Эти вложения предусматривают наличный состав обучающихся в 2,7 млн. человек, из них 1.200 — ФЗУ, в т. ч. новый прием 700 тыс. человек, остальные 1.500 тыс. приходятся на систему дополнительного образования и краткосрочных курсов.

Система мероприятий, намеченная специальным постановлением ЦК от 20 октября по вопросу о рабочей силе, в частности о квалифицированных кадрах, дает гарантию в том, что эта «важнейшая политическая задача» будет разрешена надлежащим образом.

Районная проблема

Особенно актуальной на данном этапе является проблема районного размещения трудовых ресурсов.

Выше уже указывалось, что основным источником снабжения хозяйства рабочей силой являются районы потребляющей полосы. Высокая мобильность населения этих районов объясняется относительно низким материальным уровнем крестьянского населения и наличием промышленных центров тяготения. Наоборот юг и юго-восток со своим экстенсивным зерновым хозяйством в основном и с относительно слабо развитой индустрией играл незначительную роль в отпуске рабочей силы на сторону. Каковы тенденции развития отдельных районов на ближайшие годы?

Потребляющая полоса (Ленинградская, Западная обл. и центральные промышленные районы) должна идти согласно директиве XVI съезда партии по линии развития молочно-огородно-льняного хозяйства. Это — хозяйство интенсивных культур с высокими нормами затраты труда. Степень механизации здесь низкая. Число тракторов ничтожно. Наоборот в зерновых районах, развивающихся под знаком сплошной коллективизации, процесс механизации труда идет быстрым темпом. Данные, которыми мы располагаем о распределении тракторов по районам и республикам, достаточно ярко иллюстрируют разрыв в степени вооруженности труда районов потребляющей и производящей полос (см. табл. на стр. 214).

Нет сомнения, что задачи, поставленные XVI съездом перед молочно-огородно-льняной полосой, повлекут за собой и соответствующее техническое перевооружение труда в этих районах, тем не менее степень механизации здесь будет отставать, во-первых, потому, что подтягивание этих районов начинается с низкого уровня, во-вторых, потому, что трудовые процессы в указанных районах меньше поддаются механизации. Уборка льна например слабо механизирована не только в СССР, но и за границей. То же в отношении огородных культур.

¹ „Правда“ от 17 декабря.

Насыщенность районов СССР тракторами на 1 октября 1930 г.

Р а й о н ы	Наличие тракторных сил	На 1 янв. приходится га пашни	Количество тракторов в % к итогу
Сев. Кавказ с Дагестаном	121.907	132	13,7
Ср. Волга	97.606	153	10,9
Н. Волга	83.222	161	9,3
Сибирь	70.144	285	7,8
ЦЧО	56.189	241	6,3
Казакстан	50.547	374	5,7
ДВК	27.014	107	3,0
Урал	37.669	302	4,2
Башкирия	17.997	300	2,0
Ленинградская обл.	5.123	519	0,6
Северный край	760	1.740	0,1
Западная область	4.725	1.262	0,5
Московская область	9.743	640	1,1
Ивановская "	4.765	674	1,5
Нижегородская область	3.407	2.560	1,4
Всего по РСФСР	606.332	249	67,8
УССР	204.172	148	22,8
ЗСФСР	17.157	207	1,9
БССР	10.251	448	1,1
Ср. Азия	55.749	99	6,4

Перспективы более быстрого высвобождения рабочей силы из сельского хозяйства в производящей полосе делают возможным повышение удельного веса последней в общей массе рабочей силы, идущей за счет села, тем более, что в этих районах создается ряд новых индустриальных центров, пред'являющих спрос на рабочую силу.

Задача таким образом заключается не только в том, чтобы максимально использовать трудовые ресурсы в районах традиционного отхода, — необходимо расширить людскую базу путем мобилизации трудовых ресурсов в тех районах, участие которых в обслуживании индустрии до сих пор было ничтожно.

Настоящий анализ вопроса, в частности беглый анализ районов, разумеется, абсолютно недостаточен для конкретно-оперативных целей. Но в нашу задачу в данном случае входит не разработка оперативных планов труда — этим займутся соответствующие оперативные органы. Мы поставили своей целью в настоящей статье дать ответ на вопрос, располагает ли страна свободными трудовыми ресурсами, обеспечивающими выполнение высоких темпов развития хозяйства. Наш ответ — положительный. Людские резервы имеются, и мы считаем совершенно недопустимой сознательную или бессознательную дезориентацию рабочего класса в этом вопросе и отвлечение внимания его в сторону мнимой опасности, тогда как оно должно быть сосредоточено на действительных причинах затруднений. Против правооппортунистических шатаний в этой области надо вести самую решительную борьбу.